
Последние каникулы детства
Сергей Богаткин

Сергей Богаткин

Последние каникулы детства

«Автор»
2025

Богаткин С.

Последние каникулы детства / С. Богаткин — «Автор», 2025

Цикл небольших историй из жизни обыкновенного человека, услышанные и записанные на рыбалке в деревне его юным слушателем.

© Богаткин С., 2025
© Автор, 2025

Сергей Богаткин
Последние каникулы детства

1

От автора.

Георгий Михайлович Крамаренко. Простой человек, проживший интересную, насыщенную событиями жизнь. Он участвовал в двух Мировых войнах, был награждён за личное мужество. Всю свою жизнь Георгий Михайлович трудился, любил свою жену, растил детей, в общем, просто жил…

Я познакомился с ним, когда приехал к родне моего отца на Тамбовщину. Каждый раз, когда мы с ним встречались на речке Вороне, он рассказывал мне случаи из своей жизни, которые в итоге помогли мне окончательно определиться с выбором моей будущей профессии.

Эти истории человека, жившего в то трудное и одновременно счастливое время, глубоко запали мне в душу и, по прошествии времени, я решил записать их, чтобы сохранить память о нём.

2

Встреча.

В том году на семейном совете было решено отправить меня на все каникулы к нашим дальним родственникам в одну из деревень на Тамбовщине. Красивая природа, речка, лес, деревенское питание, по мнению моих родителей, должны были пойти мне на пользу, и я смог бы успешно закончить выпускной класс.

Я слегка недоумевал, зачем надо ехать из теплой Одессы куда-то в центральную часть страны, да и не совсем понятно было, что я там буду делать?

Но, билеты уже были куплены, и мне ничего не оставалось, как взять с собой несколько книг, одежду для разной погоды и сесть в поезд. На станции меня должны были встречать мои родственники.

Так и случилось. Встреча вышла радушной, за столом собралась вся родня, меня накормили домашней выпечкой с ароматным чаем и я, переполненный эмоциями от тёплой встречи, ушёл в приготовленную для меня комнату, лёг и моментально уснул.

Утром меня разбудили первые лучи солнца. Я встал, позавтракал на скорую руку и пошёл на речку, благо она была метрах в пятистах от дома.

На мостках, на самом их краешке, я увидел худощавую, слегка сутулую фигуру старика в простой деревенской одежде, резиновых сапогах и соломенной шляпе, над которой вилась тоненькая струйка дыма. В руках у него было самодельное удилище, и он не сводил глаз с поплавка, который течением медленно сносило в сторону.

– Что, паренёк, купаться собрался?

Я кивнул.

– Не советую. Вода с ночи прохладная для купания. Да и рыбу ты мне своим барахтаньем всю распугаешь, – слегка усмехнувшись в усы, сказал старик. – Присядь рядышком.

Я, встав на колени и свесившись с мостков, попробовал речную воду. Надо сказать, что дед не обманул, и вода была довольно прохладной, что для меня, привыкшего к теплым водам Черного моря, имело значение.

– Что-то я тебя впервые вижу. В гости приехал, аль как?

3

– Да, я из Одессы, а здесь живут мои дальние родственники по отцу. Вот и решил разок сменить пляж Чёрного моря на бережок реки Вороны.

– Ишь ты, откуда приехал. Между прочим, Одесса – мой родной город. Вот так! – заметив моё удивление, сказал старик.

– Ну, давай знакомиться. Меня зовут Георгий Михайлович, но кличут меня все в деревне дедом Жорой. А тебя?

– Я Серёжа, Сергей.

– А сколько тебе годков-то стукнуло?

– Шестнадцать.

– Почти взрослый. А мне уже восемьдесят пятый годок идёт. Ну, вот и познакомились. Ты как, рыбалку уважаешь?

– На Чёрном море ловил бычков.

– Ну, у нас тут и краснопёрка, и плотвичка, и чехонь. Окушки с пескариками попадаются. Даже можно щучку залудить на живца. Если хочешь, я могу дать тебе снасти, и будем вместе ловить. Или рано поутру, или на вечерней зорьке. Как тебе такое предложение?

– Ой, спасибо, деда Жора. Я с удовольствием составлю компанию.

– Вот и славно. Заодно про жизнь погуторим, коль интерес будет. А теперь можешь и окунуться. Поймёшь, в чем разница между тёплым морем и нашей рекой.

Окунувшись в холодноватую для меня воду, я всё-таки не решился заплыть далеко от берега и, выбравшись на мостки, быстро обтёрся полотенцем, оделся и собрался домой.

– Так смотри, завтра я возьму вторую удочку и буду ждать тебя вечером здесь, на мостках.

4

– Обязательно буду! – ответил я и зашагал к дому.

Сейф.

Вечером следующего дня я пришёл на мостки.

– Смотри, Сергей! Это моё любимое место, вытирая пот с лица подрагивающей рукой и улыбаясь, сказал дед Жора. Я нечасто сюда хожу – далековато от дома для меня. Но, отсюда ухожу всегда с уловом. Да и душой я здесь отдыхаю…

Я огляделся. Мы оказались на берегу реки, в водах которой отражалось заходящее солнце. Кругом был такой покой, что хотелось просто молча любоваться. Даже голосом можно было вспугнуть эту прекрасную тишину.

А я всё ещё находился в ритме большого города, всё время ловил себя на том, что куда-то тороплюсь, стараюсь всё делать быстро. Короче – суета сует. Здесь же на душе стало легко и свободно.

И мы, вполголоса переговариваясь, приготовили снасти и уселись на мостки. Пару часов просидели в молчании, глядя на поплавки. Клевало редко. Каждый из нас думал о своём. Иногда мне казалось, что дед просто дремлет.

– Дед Жора, смотри, воскликнул я, указывая рукой на реку. – Что это?

Мимо, не спеша, по реке плыл кусок доски с лежавшей на боку ржавой металлической коробкой.

– Как же она туда попала? – удивлялся я, глядя, как течение медленно разворачивало доску и несло дальше.

Дед Жора хмыкнул, закурил цигарку и, повернувшись ко мне, тихо сказал:

– Знаешь, была у меня когда-то своя слесарная мастерская… в Одессе. Давно это было… Вы в школе-то изучали Первую мировую войну?

Я кивнул, следя глазами за уплывающей доской.

5

– Так вот, случилось это аккурат перед нападением германцев. Держал я свою слесарную мастерскую недалеко от дома одесского полицмейстера (ну, это кто-то навроде нашего начальника милиции) …

Затянувшись, дед сощурился от попавшего в глаз дыма, хитро улыбнулся в усы и начал свой рассказ.

– В молодости я был довольно неплохим слесарем. Чинил, лудил, паял любые металлические вещи, делал дубликаты утерянных ключей, ходил и по домам чинить дверные замки. Увлекательное это занятие, я те скажу – чинить замок: тут кто хитрее, настойчивее, тот и победит: ты его или он тебя. Бывает, ерундовина – замок, а открыть не можешь, бьёшься, бьёшься, бросишь… снова берёшься. Не люблю я, Сережа, проигрывать.

Вот поэтому и слыл я в округе спецом по замкам и никак не думал, что однажды это принесет мне известность … в полицейских кругах.

Да! Пару раз ко мне обращались и лихие люди, предлагали солидный барыш, если я помогу им замки вскрыть, угрожали даже, стервецы. Может быть, и стал бы я известным одесским "медвежатником", но я всегда отказывался – мне моя свобода как-то милее и дороже была.

Как-то сижу я, значит, в своей мастерской, паяю. И вдруг, открывается дверь и заходит ко мне полицейский пристав. Удивился я его визиту, ведь никаких грехов, ни больших, ни малых, за мной не числилось. А он огляделся и говорит:

– Георгий Крамаренко?

– Да, это я.

– Возьмите свой инструмент и следуйте за мной. Велено Вас доставить к Его превосходительству господину полицмейстеру.

– Ну, раз велено, значит, велено, говорю, а у самого голос дрожит, мало ли чего?

Собрал я в торбу свои инструменты, запер мастерскую и пошел с приставом в соседний дом, мимо которого я каждый день проходил, но где и не чаял побывать.

6

Вошли мы в дом со стороны двора, прошли к парадной лестнице, остановились. Я одной рукой картуз мну, в другой торбу с инструментом сжимаю. Оставил меня пристав, а сам быстрым шагом поднялся доложить, что, мол, приказание выполнил и слесаря привел.

Через некоторое время спускается по лестнице сам полицмейстер – осанистый, важный, в тёмно-зелёном мундире. Я ему поклонился, а он остановился, посмотрел внимательно на меня и говорит:

– Слышал я, что ты в замках хорошо разбираешься.

– Точно так, Ваше превосходительство.

– У меня в кабинете стоит сейф, мне нужно срочно его открыть, а ключ куда-то задевался. Прислуга уже весь дом обыскала, а найти не может. Следуй за мной.

Повернулся он и стал подниматься по лестнице. Делать нечего, пришлось мне "следовать за ним". Иду, робею, по сторонам смотрю. Красота кругом! Картины, зеркала в золочёных рамах, на паркетных полах ковры, прислуга в белых передниках… Остановились мы перед крепкой дубовой дверью – кабинетом хозяина.

Зашёл я вслед за полицмейстером в его просторный кабинет и сразу заметил в углу сейф известной на то время Петербургско-московской фирмы "Санъ-Галли". Он был чёрный, большой, с завитушками наверху и выглядел очень внушительно. Замки там были надёжные, и я понимал, что придется мне хорошенько потрудиться, чтобы вскрыть его. "Мать честная! – думаю я. – Влип ты нынче, Георгий, дальше некуда". А полицмейстер мне и говорит:

– Мне вечером надобно прибыть на доклад к градоначальнику, так что постарайся, любезный, справиться с работой до пяти часов пополудни.

– Ваше превосходительство, – говорю, – у меня только одна просьба. Закройте обе двери в кабинет, поставьте снаружи у дверей своих слуг, а когда работа будет сделана, я постучу в дверь и Вас пригласят. Мне сподручнее, когда никто не смотрит, как я работаю.

Полицмейстер усмехнулся, задумался, прошёлся по комнате, внимательно поглядывая на меня. Я видел, что он сомневается, можно ли меня оставить один на один с сейфом в кабинете? Затем он принял решение и, выйдя из кабинета, отдал распоряжение поставить людей у обеих дверей.

7

Я принялся за работу. Честно скажу, Сережа, это было непростое дело. Пришлось призвать на помощь все свои знания замков, умение и смекалку. Не хотелось мне в грязь лицом ударить!

Не буду тебе раскрывать всех секретов, но через два часа, уставший, грязный, с поцарапанными руками, я подошел к двери и стукнул в нее.

Дверь тотчас открылась, какой-то полицейский чин глянул внутрь, велел мне не двигаться и побежал куда-то с докладом. Я повернул голову и увидел второго полицейского, который внимательно следил за мной.

Через несколько минут в кабинет скорым шагом вошел полицмейстер в сопровождении того пристава, который меня привел.

– Открыл сейф? – удивленно покачал он головой. – Так быстро?

– Так точно, Ваше превосходительство! Дверь открыта, но в сейф я не заглядывал.

Хозяин быстрым шагом подошел к сейфу, потянул за ручку дверцы и распахнул его. Я отвернулся.

Он взял из сейфа какие-то бумаги и обратился к приставу:

– Вручи ему кошель, что я дал тебе, – и вышел из кабинета.

Пристав похлопал меня по плечу и повел обратно вниз. Во дворе он достал из кармана кошель и вручил его мне.

– Завтра за тобой пришлют еще раз. Надо будет ключ изготовить. И, легонько подтолкнув, отправил меня восвояси.

Пришел я к себе в мастерскую, запер дверь, ополоснулся и, для начала, достал обед, который принёс с собой.

Потом, насытившись и перекурив это дело, я посмотрел в кошель. Денег Его превосходительство не пожалел! Их могло хватить и на хорошую мастерскую, и на то, чтобы взять в работники парочку мастеровых.

8

Но… вскоре началась война, и мне так и не пришлось поработать в своей новой мастерской… – махнул рукой дед Жора.

– Да, жаль… А потом, дед Жора, где ты работал?

– Потом, Сережа, война – кровь, смерть, голод…

– Расскажешь?

– В другой раз. Смотри, звёзды уж на небе. Потеряли нас дома. Собирайся, пойдём.

9

Пулемёт.

И опять мы сидим с дедом Жорой на старых мостках и смотрим на поплавки, которые, как солдатики на посту, не шевелясь, стоят в воде.

– Смотрю я на тебя, Серёжа, и вспоминаю империалистическую войну. Были там и твои ровесники, и мальчишки-добровольцы помладше тебя, и "сыны полков". Воевали они, чтобы отомстить за своих погибших родных. Порой они, подражая взрослым, равняясь на них, совершали настоящие подвиги, защищали свою Родину наравне с солдатами… Если мы, взрослые, выполняли приказы командования, то дети делали это добровольно, оказавшись волей судьбы вовлечёнными в военные действия.

Я, чуть повернувшись к деду, украдкой смотрю на него, вижу, как темнеет его лицо, сжимаются губы, а рука тянется в карман за очередной цигаркой. Легонько трогаю деда за рукав:

– Расскажи, дед, не молчи.

Он взглядывает на меня из-под кустистых бровей, и я замечаю в его глазах давнюю горькую боль.

– Им бы в игрушки играть, – говорит дед, – а они… Сколько погибло!

Дед замолкает надолго… Я жду, внимательно следя за поплавком, знаю, что он блуждает где-то в своих воспоминаниях, печальных и далеких.

– Был у нас один такой "сын полка", – наконец начинает дед Жора, и я облегчённо вздыхаю: хоть выговорится.

– Стояли мы как-то раз в Галиции. Появился однажды в нашей роте мальчонка лет десяти-двенадцати, худой да низкорослый, Костей звали. Родителей убили австро-венгры, и он решил мстить врагам за их смерть.

Скажу тебе так, Сережа: там, где взрослый не пройдёт или обязательно будет замечен вражеским дозором, Костя умудрялся ужом проползти мимо австро-венгерских разъездов и добыть ценные сведения о противнике. Был он пару раз оглушён взрывами, но, слава Богу, ни

10

одной серьёзной царапины не получил. Мы, бывалые солдаты, как могли, оберегали мальчонку, приглядывали за ним, чтобы в своей тяге к мести, он чего не набедокурил и не слишком геройствовал.

А тут случилась оказия – аккурат против наших позиций у австрияков был установлен и хорошо замаскирован пулемёт на колёсной станине. Ох, и досаждал же он нам! С позиций роты он был практически не виден, а стрелял он так, что не приведи Господь высунуться из траншеи – вмиг поплатишься головой за такое безрассудство. А уж подобраться к нему поближе и уничтожить – самоубийство чистой воды.

Так ведь вот что этот пострелёнок придумал. Дождался ночи, взял с собой длинную верёвку (и где только нашёл такую – метров двести будет), выбрался из траншеи и отправился к окопам противника. Добрался до переднего края и пополз вдоль бруствера. Полз, тащил эту тяжёлую бухту за собой, пока не обнаружил пулемёт.

Его обслуга, понадеявшись на маскировку и обнаглев от самоуверенности, ночью отправилась спать в блиндаж, поэтому на позиции никого не было.

Костя привязал верёвку к оси станины пулемёта, проделал штыком лаз в колючей проволоке и пополз в расположение роты, разматывая верёвку за собой. Добрался до первого секрета, где его уже поджидали наши разведчики. Колени грязные, руки в крови, сам отдышаться не может, а верёвку тянет вместе со всеми, помогает товарищам вытягивать пулемёт из укрытия. Спохватившиеся австрийцы попытались догнать пулемёт, но залпы с наших позиций вернули их на место. Пулемёт благополучно дотащили до окопов.

Вот такой подвиг совершил маленький солдат, "сын полка", наш Константин.

А еще через две недели прибыл командир дивизии и вручил юному герою Георгиевский крест IV степени за этот подвиг…

– Деда Жора, а что потом стало с Костей? Так и служил с вами?

– Что? Служил он у нас ещё с полгода, а потом, когда ему стукнуло тринадцать лет, решили его отправить в тыл, в Петроград, на учёбу. Ох, и не хотел он бросать нас, своих боевых товарищей, но приказ есть приказ… А вот что потом с ним стало, добрался он до Петрограда или примкнул к какому другому полку, это мне неведомо… Но одно я знаю точно – хороший из этого мальчонки вырос человек, надёжный. Я бы и сейчас с ним в разведку пошёл.

11

Награда.

День клонился к вечеру. Солнце перестало палить, и мы с дедом Жорой расположились на любимых мостках, размотав удочки. Вдруг, он слегка склонил голову набок и замер, к чему-то прислушиваясь. Издалека доносились глухие раскаты грома, хотя небо было чистое. Не сразу, но до меня дошло, что это ведутся стрельбы на полигоне, километрах в двадцати от деревни.

Эти глухие раскаты напомнили мне, что мой старший товарищ прошел фронтовыми дорогами не одну тысячу километров.

– Дед Жора, ты ж воевал в Первую мировую? Мне рассказывали в деревне, что тебя даже наградили?

– Воевал. Да, и награда имеется, – дед, скрывая некоторое смущение, достал цигарку и прикурил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.